ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Владимира Николаевича КАРТАВЦЕВА

«Реципрок как категория явной и скрытой грамматики»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка

Диссертация В. Н. Картавцева представляет собой многоаспектное исследование семантической зоны реципрокальности на материале русского и английского языков. В поле зрения автора попадают как грамматикализованные («явные») средства выражения реципрокального значения, так и чисто лексические («скрытые») способы кодирования соответствующей семантики, т.е. случаи, когда реципрокальность «встроена» в значение глагольной лексемы.

Объединение в рамках единого описания грамматических и лексических средств выражения той или иной семантики обуславливает **актуальность** темы выносимой на защиту работы. В частности, на современном этапе развития грамматической типологии, когда в целом можно считать изученными основные категории и способы их выражения внутри грамматической системы языка, насущной оказывается задача обнаружения других механизмов кодирования смыслов из универсального грамматического набора, т.е. лексических и конструкционных средств, которые может задействовать язык в отсутствие той или иной грамматической категории или наряду с ее показателями. Кроме того, рассмотрение «на общих основаниях» единиц разного уровня полностью согласуется с актуальной тенденцией к стиранию жестких границ между подсистемами языка, характерной для самых разных направлений современной лингвистической теории.

Интегральный подход определил и **научную новизну** исследования. В работе впервые реципрокальность рассматривается как комплекс взаимосвязанных морфологических, синтаксических и лексических средств, что позволяет на конкретном языковом материале выявить континуальность многих лингвистических явлений, обсуждаемых в диссертации. Применение к явным и скрытым реципрокам единого алгоритма описания приводит автора к результату, обладающему несомненной **теоретической значимостью**: функционирование реципрокальных глаголов мотивировано их семантическими свойствами, а не их формальными характеристиками, т. е. наличием или отсутствием морфологических показателей возвратности. Таким образом, сам языковой материал доказывает правомерность выбранного автором интегрального подхода к описанию семантики реципрокальности.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

В **первой** главе подробно рассматривается история изучения реципрокальности и методологические основы исследования. Здесь обращает на себя внимание широкий научный

кругозор В. Н. Картавцева, его стремление не просто проанализировать необходимый объем теоретической литературы, но и провести параллели между разными исследовательскими направлениями и терминологическими школами. Правда, в этой связи нельзя не заметить более пристальное внимание диссертанта к отечественной традиции – иногда в ущерб западным работам. Так, показательно, что в связи с понятием грамматикализации автор ссылается на работы Т. В. Булыгиной, Ю. П. Князева, В. А. Виноградова и В. А. Плунгяна (с. 42-43) и не упоминает классические исследования этого направления – работы Б. Хайне, Дж. Байби, Э. Даля и др.

Это же замечание в некоторой степени затрагивает и последующие части диссертации. Так, на с. 103 автор, со ссылкой на работы В. В. Виноградова и И. Е. Аничкова, пишет о реальности и объективности существования слова. Между тем, в зарубежных исследованиях последнего времени обсуждалась, напротив, невозможность однозначно определить понятие «слово» в типологической перспективе (см., в частности, работы М. Хаспельмата; заметим вместе с тем, что рассуждения М. Хаспельмата оказываются как раз в русле общей логики рецензируемой диссертации – нечеткость понятия слова предопределяет размытость границ между морфологией и синтаксисом).

Вторая глава посвящена семантике реципрокальности, способам ее выражения и алгоритму ее идентификации. В частности, приводится классификация глаголов по типу реципрокальных отношений с учетом субъектности–объектности их участников, равнозначности вовлеченности актантов, каузативности ситуации и др.; обсуждается, к каким семантическим классам могут относиться реципрокальные глаголы; описываются средства выражения реципрокальности, принадлежащие к разным уровням языковой структуры. Примечательно, что наряду с традиционно рассматриваемыми в этой связи синтаксическими, лексическими и морфологическими средствами В. Н. Картавцев учитывает также фразеологические единицы, выступающие прежде всего при глаголах обмена или мщения (ср. *баш на баш*).

В контексте общей проблематики диссертации особенно важным представляется раздел 2.1.2, в котором автор вводит тесты на идентификацию реципрокальной семантики. Опираясь на процедуру, описанную В. П. Недялковым, диссертант дополняет ее новыми алгоритмами, позволяющими применять ее в более сложных для анализа случаях. Разработанный тест является важным вкладом В.Н. Картавцева в будущие исследования реципрокальности на новом языковом материале.

Далее автор классифицирует русские и английские глаголы, выступающие в реципрокальных контекстах, с точки зрения ингерентности или контекстуальности выражения в них идеи взаимности: противоположные концы шкалы здесь образуют, с одной стороны,

предикаты, всегда подразумевающие реципрокальную семантику (ср. *беседовать*, *marry*), с другой – глаголы, приобретающие ее только в контексте реципрокальных местоимений типа *друг друга* (*видеть*, *remember*). Еще одна классификация касается семантических типов глаголов, выражающих реципрокальную семантику в отсутствие формальных показателей данной категории (т.е. скрытых реципроков). Наконец, в конце главы обосновывается статус реципрокальности как смешанной категории в русском и английском языках.

Из приведенного обзора видно, насколько насыщенным в теоретическом отношении является содержание второй главы. Построенные автором разнообразные классификации имеют несомненную ценность для теоретического осмысления категории реципрокальности. В то же время, к сожалению, структура главы производит впечатление не до конца продуманной: в ней выделяется целый ряд самостоятельных сюжетов (не каждый из которых становится темой отдельного подраздела, см. 2.1.1), при этом логика связи между этими сюжетами и порядок их следования остаются не до конца понятными. В частности, в одном подразделе объединены такие разные аспекты изучаемой проблематики, как семантическая классификация реципрокальных глаголов, с одной стороны, и разноуровневые средства выражения реципрокальности – с другой. Напротив, близкие по своей сути классификации разнесены по разным разделам главы. Так, кажется, обсуждение семантики реципрокальных глаголов в целом (см. с. 87-89) могло бы непосредственно предшествовать рассмотрению значений скрытых реципроков (с. 131-135) – сейчас же две эти классификации никак не связаны между собой. Между тем, было бы интересно проанализировать не только то, какие значения реализуются преимущественно скрытыми реципроками, но и то, какая семантика требует явных показателей реципрокальности – соположение двух классификаций позволило бы получить ответ на этот вопрос.

Последнюю, **третью**, главу диссертации, напротив, отличает предельно четкая структура: здесь автор последовательно рассматривает корпусные употребления 16 русских и 16 английских глаголов реципрокальной семантики (как явных, так и скрытых реципроков) с точки зрения их встречаемости в различных типах синтаксических конструкций. Безусловным достоинством этой части работы является привлечение значительного объема эмпирического материала, который требовал не просто формальной разметки по типам синтаксических конструкций, но и содержательной оценки смысла конструкции, поскольку, как убедительно показывает автор в Главе 2, формальные признаки (например, грамматическое число субъекта) не всегда однозначно предсказывают тип описываемого отношения.

Работа содержит большое количество таблиц и графиков, в значительной мере способствующих наглядности изложения и компенсирующих отдельные неудачи в структуре построения текста.

В целом научная ценность проведенного В.Н. Картавцевым диссертационного исследования не вызывает сомнений. Из важных теоретических результатов, помимо уже названных, обратим отдельное внимание на выявленное автором семантическое сходство русских и английских скрытых реципроков. В обоих языках в категорию скрытых попадают глаголы речевого взаимодействия и конфронтации (правда, в русском глаголы конфронтации без показателей реципрокальности довольно малочисленны, так что здесь едва ли можно говорить о «сгустке» скрытых реципроков, см. с. 134). Было бы чрезвычайно интересно проверить типологическую устойчивость этой корреляции на более широком языковом материале – в этом отношении работа В.Н. Картавцева не только содержит важное теоретическое наблюдение, но и задает вектор для будущих исследований в сфере реципрокальности.

Вместе с тем, как и всякое большое сочинение, диссертация В.Н. Картавцева не лишена некоторых недостатков, и отдельные утверждения в ней кажутся спорными.

Так, вызывает вопрос особый статус реципрока как смешанной категории, т.е. «категории, множество средств выражения которой представлено как явным, так и скрытым способами» (с. 47). При этом к скрытому типу относится среди прочего синтаксическое выражение реципрокальности (ср. трактовку случаев типа *бить друг друга* как скрытого кодирования), т.е. по сути специальные лексические средства, задающие нужный смысл. Между тем, почти любое значение из универсального набора наряду с морфологическими имеет и лексические средства выражения – правда, не любое значение в данном языке располагает морфологическими способами кодирования. Но если такие средства есть, то соответствующую категорию, видимо, надо относить к смешанным, тем самым смешанными оказываются почти все категории данного языка, имеющие морфологические средства выражения (ср. в русском семантику диминутивности: *маленький дом* или даже множественности: *много пальто*). В то же время, конечно, разные типы смешанных категорий неоднородны и требуют дальнейшей классификации – вероятно, с учетом этих данных в терминологическом уточнении будет нуждаться и само понятие скрытой категории.

Разработанная автором процедура идентификации реципрокального значения может стать полезным инструментом для будущих исследований в данной области, тем не менее предварительно эту процедуру необходимо детализировать. Так, недостаточно операциональным оказывается тест на определение реципрокальности глагола «по характеру синтагматически связанного с ним элемента». Вообще говоря, для того чтобы этим тестом

можно было воспользоваться, необходимо исчислить типы таких элементов и выявить те из них, которые превращают глагольную группу в реципрокальную. Между тем, автор иллюстрирует действие этого теста лишь несколькими примерами. Исходя из этих контекстов можно заключить, например, что в случае глаголов речи (см. примеры 123-126) наличие комитативной именной группы (вполне ожидаемо) подтверждает реципрокальность, тогда как сочетание с модальным глаголом физической способности (ср. рус. *мочь*, англ. *can*) свидетельствует о значении одностороннего действия. Заметим, однако, что синтагматически связанными с глаголами речи могут быть далеко не только названные элементы. Кроме того, существенно, что выводимые из примеров принципы могут вступать в противоречие друг с другом, ср. следующий пример из НКРЯ:

Вы верите в то, что киты ***могут*** *разговаривать* ***с нами****, Ежи?* [Грэй Ф. Грин. Кетополис — Киты и броненосцы (2001)]

Здесь комитативная группа *с нами* предсказывает реципрокальную интерпретацию, а глагол *могут* – одностороннюю. Не вполне понятно, как в этом случае должен трактоваться этот пример.

Из более частных замечаний отметим сомнительную трактовку примера (283) как плеонастического, ср. конструкцию *communicating odd rumors to each other*. Как пишет автор, «глагол *communicate,* сам по себе будучи реципрокальным, употребляется в синтагматической связке с реципрокальным местоимением» (с. 195). Очевидно, однако, что глагол *communicate* здесь употребляется в другом значении – нереципрокальном. Это значение глагол реализует в составе переходной конструкции: в таких контекстах речь идет о сообщении некоторой информации, а эта семантика не подразумевает реципрокальности отношения.

К техническим недостаткам работы можно отнести отсутствие глоссирования в примерах из якутского и языков банту. Поскольку речь идет о морфологических средствах выражения грамматического значения, невозможность оценить поморфемное устройство реципрокальных словоформ, а также конструкций в целом затрудняет интерпретацию соответствующих примеров и снижает их иллюстративную ценность. Кроме того, в примеры из НКРЯ стоило бы включить данные об источнике текста, которые сопровождают каждую выдачу: это не только позволило бы читателю видеть метатекстовую информацию (в частности, оригинальный или переводной характер английских примеров), но и легко отличить сконструированные примеры от корпусных.

Тем не менее все высказанные замечания носят во многом дискуссионный или частный характер и не снижают общую высокую оценку диссертации В.Н. Картавцева. Автореферат и опубликованные автором работы полностью отражают основные положения диссертации.

Диссертация В.Н. Картавцева «Реципрок как категория явной и скрытой грамматики», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, является научно-квалификационной работой, содержащей решение задачи, которая имеет существенное значение для теоретической грамматики, грамматической семантики и типологии. Она полностью соответствует пп. 9-14 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а автор диссертации, Владимир Николаевич Картавцев, несомненно заслуживает примуждения ему искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Официальный оппонент

К. филол. наук, доцент Школы лингвистики
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» Т.И. Резникова

Подпись заверяю
ВЕДУЩИЙ СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
ОТДЕЛА ПО КАДРОВОМУ АДМИНИСТРИРОВАНИЮ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
ЛАДОШ А.Н.

01.12.2020

Сведения об оппоненте

Татьяна Исидоровна Резникова

Кандидат филологических наук, специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Адрес: 119571 г. Москва, ул. 26 Бакинских комиссаров, 3-1-318

Тел. (905) 7033479

Электронная почта: treznikova@hse.ru

Сайт: https://www.hse.ru/org/persons/34795480

Сведения об организации

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Адрес: 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел.: (495) 771-32-32

Электронная почта: hse@hse.ru

Сайт: http://www.hse.ru/